

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. А. Туголуков

НАРОД ОДИН — НАЗВАНИЙ МНОГО

Считается, что этнографическая граница между эвенками (тунгусами) и эвенами (ламутами) проходит по р. Улья в Охотском районе Хабаровского края. Ее удалось установить на основании лингвистического материала, а также разграничения собственно тунгусских и собственно ламутских родов. В названиях ламутских родов, как правило, не было характерного для эвенков окончания «гир».

С эвенами я был знаком недостаточно и летом 1969 г. отправился в Магаданскую область, чтобы восполнить этот пробел.

В Магадане я зашел в областной архив, чтобы познакомиться с местными материалами, и тут сделал обескураживающее открытие. В книге Ольской Богоявленской церкви за 1903 г. все коренные жители числились *тунгусами*! «Пожертвовано тунгусом Гавриилом Необутовым на ремонт пятьдесят (50) рублей»... (ф. Д-1, д. 9). Тунгусами именовались как оседлые, так и кочевые эвены знакомых мне «номерных» ламутских родов — Уяганских, Долганских и др.

Я взял дела Гижигинской Спасской церкви. То же самое: 1-й Долганский, 2-й Долганский, 1-й Уяганский, «Хабаров род» записаны тунгусами... (ф. Д-73, д. 1).

Но, может быть, не стоило слепо доверять малограмотным священникам? Я просмотрел дела Ольского сельсовета за ранний период его существования. И что же: в письме начальника экспедиции Инцветметинженера В. Цареградского, геолога Вознесенского и инженера Л. Шумилова секретарю Сеймчанского РК ВКП(б) за 1931 г. упоминаются проводники «тунгусы Лука Громов, Петр Попов, Егор Слепцов и Василий Дьячков» (ф. Р-10, д. 2).

«Да есть ли эвены в Магаданской области?» — спросил я себя. Полный самых необычайных предчувствий, я взял материалы Ольского райисполкома и тут же нашел документы: «Посемейный список граждан-тунгусов, входящих в Сигланский сельсовет», «Посемейный список тунгусов первого Долганского рода», и т. д. (ф. Р-17, д. 11).

Я начал просматривать подряд все фонды, имеющие прямое или косвенное отношение к коренным жителям. В материалах Первого съезда Советов Северо-Эвенского района ДВК (с. Наяхан, 1932 г.) и округ и район именуются *эвенскими* (это утешительно), но листаю дальше и читаю: «Да здравствуют коммунисты-тунгусы!.. Да здравствует первый *орочельский* съезд!..» (ф. Р-17, д. 247).

Эвенов в деле так и не оказалось, зато к тунгусам добавились орочелы (орочи)! Все кочевые советы района названы орочельскими. Указано даже общее количество орочелов: 1747 чел. Вместе с тем при характеристике территориальных групп употребляется этноним «тунгусы» — вили

ганские, туватумские, наяханские, гармандинские, верхаламские, гижигинские, ямские, ольские...

Я обратился к материалам областного музея. Как-никак краеведы понимают толк в этнонимах... Листаю отчет научного сотрудника В. А. Злотиной о поездке в Тауйский район в 1934 г. В отчете говорится о том, что в Тауйском районе живут камчадалы, которые сами себя считают тунгусами и называют тунгусский язык своим родным языком (ф. Р-50, д. 26)...

Какие еще камчадалы? Я сел в автобус и направился в «поле», чтобы на месте узнать, куда же девались эвены. Автобус привез меня в поселок Гадлю, в 10 км от Олы, где, по словам попутчиков, жили носители названных выше этнонимов. Там расположен колхоз имени XXII съезда КПСС, объединивший бывших кочевых и оседлых аборигенов. Члены колхоза занимаются оленеводством, охотой, рыболовством, звероводством, сельским хозяйством, т. е. всеми традиционными и новыми отраслями хозяйства на Севере.

Беседую с колхозницей Марией Ивановной Золотых. По происхождению она метиска: отец — якут, мать — эвенка из рода Деллянкэн. В паспорте записана как эвенка, но считает себя якуткой. Владеет и эвенским, и якутским, и русским языками. Первый муж был эвеном, второй — русским. Дети от второго мужа записаны эвенами, но говорят только по-русски.

Ситуация как будто продолжала запутываться, однако я продолжал расспрашивать Марию Ивановну. «Раньше, — сказала она, — были тунгусы, но потом они стали называть себя орочи, а теперь они — эвены. Старые люди считают себя — орочами. И в Оле и в Армане живут орочи — тунгусы»...

Ламуты, по словам Марии Ивановны, это другой народ; они живут на Чукотке. Возле Олы ламутов нет. М. И. Золотых знает и пеших тунгусов; в Гадле и в Оле они были самыми бедными, безоланными орочами. Сейчас никого из них не осталось.

«Пеших тунгусов» было довольно много в XVII в. в устьях больших рыбных рек — Охоты, Ини, Тауя и др. В течение последующих двух веков они постепенно исчезали в результате эпидемий и ассимиляции их оленными ламутами и русскими. Я начал кое-что понимать. Правда, разговор с колхозником М. И. Хабаровым вновь несколько обескуражил меня. «Мы орочи, — твердо ответил на мой вопрос М. И. Хабаров, — а эвены — это другие люди. Нас считали тунгусами. А ламуты живут в Наыхане».

Было ясно, что этнонимы эвены и ламуты решительно непопулярны у жителей Гадли, хотя, по всем данным, здесь жили именно эвены, они же ламуты.

Чтобы проверить свои догадки, я вновь засел в архиве и вскоре получил подтверждение одной из них. В обзоре Охотско-Колмыкского района за 1933 — 1934 гг. говорилось, что его населяют орочёлы, иначе называемые *эвинами*. Это означало, что орочи (орочёлы), тунгусы, эвены — одно и то же.

Как видно, сначала существовало одно официальное наименование местного населения — тунгусы, потом, скорее всего в период национального районирования (в начале 1930-х годов), этот дореволюционный этноним был изъят из обращения и вместо него был введен этноним «орочёлы». Рядом с ним сосуществовало самоназвание эвены.

Из того же источника я узнал, кто такие камчадалы. О них было сказано: «Камчадалы ведут свое происхождение от оседлых коряк». Можно было также понять, что камчадалы происходят от смешанных браков русских с оседлыми коряками и частично с оседлыми тунгусами. Кительменам местные камчадалы не имели никакого отношения и назывались так исключительно потому, что некогда эта прибрежная часть Магадан-

Рис. 1. Эвены-оленьеводы

ской области (к северу от Магадана) входила в состав Камчатской области. Как я затем установил, магаданские камчадалы говорят на искаженном русском языке, напоминающем язык енисейских сельдюков и других этнографических групп русских на сибирском Севере. Хотя магаданские камчадалы не относятся к коренному населению Севера, местные власти все же выделяют их из прочего русского населения и предоставляют им некоторые специальные льготы, какими пользуются представители малых народов Севера, например, правом на заготовку лососевой рыбы для личного потребления.

Здесь мне хочется сказать, что по всем изложенным в этих заметках вопросам существует обширная литература. Имеются различные точки зрения. Я ни с кем не вступаю в полемику, а излагаю только впечатления и идеи, возникшие у меня в ходе полевой работы.

Из Магадана я вылетел в Сеймчан, а оттуда — в бассейн р. Рассохи, притока Коркодона, правого притока Колымы, в самую северную часть Среднеканского района. Там находится отделение Омолонского оленеводческого совхоза, в котором работают эвены, наиболее полно сохранившие свой язык и традиционную культуру.

Моим проводником оказался заведующий «красной ярангой» Дмитрий Петрович Березкин, анадырский эвен. Мы шли пешком по горам и тундре, изредка делая привалы для отдыха. И вот, наконец, бригада № 6. Я с любопытством гляжу на вместительные эвенские юрты, на аккуратные ряды выючных сум, накрытые шкурами, на пушистых, почти квадратных лаек, выбежавших нам навстречу. А вот и сами пастухи в национальной одежде.

Пастухи называют себя *эвен*; официально они также считаются эвенами. «Но лет тридцать назад, когда мы кочевали на морском побережье у Гижики, мы были *орочи*», — сказал мне через переводчика старый пастух Андрей Афанасьевич Болдухин.

Постепенно истина вырисовывалась передо мной...

Почти в каждом районе у эвенков и эвенов существует свой говор. Но где бы они ни жили, они всюду называют себя почти одинаково: *эвенки*, *эвен*. Последнее самоназвание характерно не только для эвенов: оно было записано и от енисейских эвенков. До революции все эвенки и эве-

Рис. 2. Стадо пасущихся оленей

ны в литературе обычно именовались тунгусами, но северо-восточную их группу называли ламутами. После революции жителей северо-восточной части этого обширного ареала стали называть эвенками. В районах смежного расселения эвенки и эвены не отделяют себя друг от друга. Об этом мне говорили в 1955 и 1965 гг. эвенки Аяно-Майского района Хабаровского края, живущие по соседству с эвенками Охотского района. Якутский этнограф С. И. Николаев также отмечал, что оймяконские эвены не признают эвенков другим, отличным от них народом. «Они считают их всего-навсего дальним эвенским родом», — писал он¹.

Разграничение эвенков и эвенов в научной литературе обосновывается определенными этнографическими различиями: например, эвены строили юрты чукотско-коряцкого типа («чорама-дю»), не доили оленей и т. д. Эти различия возникли исторически, по-видимому, вследствие культурного взаимодействия тунгусов с аборигенами северо-востока — юкагирами и коряками.

Как известно, юкагиры еще в XVII в. встречались между Леной и Анадырем. Именно в этой области теперь обитает значительная часть эвенов. На западе их отделяет от эвенков нижняя Лена.

Как нам с Березкиным удалось выяснить у рассохинских эвенов, «их юрта (которую они называют однако же не «чорама-дю», а просто «дю») имела лет двести назад совсем иной вид: это был обычный конический чум без всяких «чѳра»² и именовался он так же, как и чум: «дю». До сих пор эвены ставят на могилах сородичей три главных шеста, составляющие основу чума. Черты «чорама-дю» тунгусский чум приобрел именно в результате контактов с коряками и чукчами. Те же рассохинские эвены сообщили мне, что доение оленей им *известно* и что раньше бедные, плохо обеспеченные оленями эвены доили важенков, потерявших своих телят.

Наконец, у эвенов принят тот же архаический календарь, что и у эвенков: они делят год на 13 лунных месяцев и считают их «по голове и рукам»: начало года — макушка головы, следующий месяц — левое пле-

¹ С. И. Николаев, Эвены и эвенки юго-восточной Якутии, Якутск, 1964, стр. 28.

² Короткие шесты, из которых составляется каркас вертикальной стенки юрты «чорама-дю».

Рис. 3. Пастухи-эвены в национальной одежде. На втором плане — эвенская юрта

чо (год «спускается»), последний месяц — правое плечо (год «поднялся») и т. д.

На наш взгляд, тунгусы двигались на Крайний Север к востоку от Лены двумя волнами: первая, возможно, относится к XIII—XIV вв., когда на среднюю Лену пришли якуты, и вторая — к XVII—XVIII вв., когда в Якутию и на Охотское побережье пришли русские. Уклоняясь от уплаты ясака, на восток двинулись отдельные тунгусские роды.

Вероятно, тунгусов из первой «волны», которые испытали на себе наибольшее влияние юкагиров и оседлых коряков, тунгусы, жившие южнее и западнее их, называли ламутами (от эвенкийского *лам* — море). Тунгусы, попавшие в междуречье Лены и Анадыря со второй «волной», так и оставались «тунгусами». Это вызвало известную путаницу в понятиях окружающего населения, не видевшего особых различий между теми и другими.

В Москве мне встретился отчет статистика Приполярной переписи 1926/27 гг. К. Бауэрмана. Он пытался подразделять тунгусоязычное население северной части Охотского побережья и Камчатки на «тунгусов» и «ламутов», но не сумел преодолеть путаницу в этнонимах и, в конце концов, решил называть этих аборигенов двойным этнонимом: ламуты-тунгусы³. Между тем, судя по родовым названиям, речь шла о современных эвенах.

Д. П. Березкин, родившийся в районе озера Красное на Анадыре, говорил мне, что «для себя» его сородичи употребляют в качестве самоназвания термин *эвен* или *эвэсэл* (мн. число), а «для других» — ламут. «Другие» — это юкагиры, чуванцы, местные русские, чукчи. Так название народа начинает играть роль самоназвания, и это порой сбивает с толку даже опытных исследователей. Тунгусов-оленьеводов называли сначала орочи, орочелы (эвенкийское «орон» означает «домашний олень»). Это название отличало их от малооленных и безоленных соплеменников с Охотского побережья. «Для себя» эти оленеводы употребляли в виде самоназвания, разумеется, не термин орочи, а эвен, «для других» использовали первый термин, ибо под этим названием их знали «другие».

³ ЦГАДА, ф. 3977, д. 306.

Рис. 4. Женщины-эвенки в национальной одежде

Примечательно при этом, что если какая-то часть оленеводов лишалась оленей и оседала на время или навсегда, эти люди продолжали называть себя *орочи*. К. Бауэрман пишет в своем отчете: «орочами называли себя «поглощено все тунгусы, включая горных». Упоминание о «горных» звучит несколько забавно: они-то, конечно, могли с достаточным основанием употреблять по отношению к себе данный этноним, а вот «береговые» безоленные тунгусы такого права по существу не имели!

В Северо-Эвенском районе я посетил колхоз «Путь Ленина» в пос. Гарманда на одноименной реке, впадающей в море северо-восточнее Магадана. Там я познакомился с эвенкой Марфой Ивановной Хардани. Между нами состоялся такой разговор:

— Кто такие *орочи*? — спросил я.

— *Орочи*?... Так нас называют русские, — ответила она.

— Но ведь вы, кажется, эвены?

— Да, но наши раньше не могли сказать о себе *эвен*: не знали по-русски и говорили — *орочи*.

То есть название *орочи* существовало для русских, знакомых с этим этнонимом, но не знавших самоназвания эвен.

Проходит время, и все меняется. В документах 1920-х и даже 1930-х годов этноним тунгусы, как мы видели, был обычным. Современные же эвены даже не знают этого слова, а если знают, то только из книг. Многие неизвестны также со словом ламуты и путают это название с неудачным нововведением лоураветланы (так в 1930-х годах пытались называть чукчей).

Эвен С. П. Аруев из того же колхоза на вопрос о его национальной принадлежности лаконично ответил: «Ороч». А когда его спросили, не эвен ли он, пожав плечами отвечал: «Ороч, эвен — все равно».

Итак, круг замкнулся, все встало на свои места. У эвенского народа не одно, а много названий, и все они появились не случайно, каждое имеет свой смысл, каждое вызвано к жизни особыми историческими обстоятельствами.